

Он? / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу
написано китарсу | 23 января, 2025
Он? / рассказ Он?

Пьеру Декурселю

Дорогой друг, так ты ничего не понимаешь? Меня это не удивляет. Тебе кажется, я сошел с ума? Возможно, я слегка и помешался, но только не от того, что ты думаешь.

Да, я женюсь. Решено.

А между тем ни взгляды мои, ни убеждения не изменились. Узаконенное сожителство я считаю глупостью. Я уверен, что из десяти мужей восемь рогаты. Да они и заслуживают наказания за то, что имели глупость закабалить себя на всю жизнь, отказались от свободной любви – единственно веселого и хорошего на свете, обкорнали крылья прихотливому желанию, которое беспрестанно влечет нас ко всем женщинам, и так далее и так далее. Более чем когда бы то ни было я чувствую себя неспособным любить одну женщину, потому что всегда буду слишком любить всех остальных. Я хотел бы иметь тысячу рук, тысячу губ и тысячу... темпераментов, чтобы обнимать сразу целые полчища этих очаровательных и ничтожных созданий.

И все же я женюсь.

Прибавлю еще, что я едва знаю свою будущую жену. Видел я ее только четыре или пять раз. Знаю одно – она мне не противна, и этого достаточно для осуществления моих планов. Это маленькая полная блондинка. Послезавтра я почувствую страстное влечение к высокой худощавой брюнетке.

Она не богата. Родители ее – люди среднего круга. У нее нет особенных достоинств или недостатков, она, что называется, девушка на выданье, самая дюжинная, каких много в рядовых буржуазных семьях. Сегодня о ней говорят: «Мадмуазель Лажоль очень мила». Завтра скажут:

«Как мила мадам Рэмон». Словом, она из той породы порядочных девушек, которых каждый «счастлив назвать своей женой», вплоть

до того дня, когда вдруг поймет, что готов любую другую женщину предпочесть той, которую избрал.

«Зачем же тогда жениться?» – спросишь ты.

Я еле решаюсь признаться тебе в странном, невероятном чувстве, толкающем меня на этот безрассудный поступок.

Я женюсь, чтобы не быть одному!

Не знаю, как это выразить, как это объяснить тебе. Ты будешь меня жалеть, будешь презирать меня, до того постыдно состояние моего духа.

Я не хочу больше оставаться ночью один. Я хочу чувствовать рядом с собой живое существо, прильнувшее ко мне, живое существо, которое могло бы разговаривать, могло бы сказать что-нибудь, все равно что.

Я хочу иметь возможность разбудить это существо, внезапно задать какой-нибудь вопрос, самый дурацкий вопрос, лишь бы только услышать человеческий голос, лишь бы убедиться, что я не один в квартире, и почувствовать чью-то живую душу, работающую мысль, лишь бы увидеть внезапно, зажигая свечу, человеческое лицо рядом с собой... потому что... потому что... мне стыдно признаться... потому что я боюсь оставаться один.

Ах! Ты все еще меня не понимаешь.

Я не боюсь опасности. Пусть кто-нибудь заберется ко мне ночью, – я, не дрогнув, убью его. Я не боюсь привидений, не верю в сверхъестественное. Я не боюсь покойников и убежден в полном уничтожении каждого уходящего из жизни существа.

Так значит?... Так значит?... Ну да! Я боюсь самого себя! Я боюсь самой боязни, боюсь моего помрачающегося разума, боюсь этого жуткого ощущения непонятного ужаса.

Смейся, если хочешь. Это кошмарно, неисцелимо. Я боюсь стен, мебели, привычных вещей, которые вдруг начинают жить какой-то одушевленной жизнью. Особенно боюсь я страшного смятения своей мысли, своего взбудораженного рассудка, ускользающего из-под моей власти, угнетенного таинственной, непостижимой тревогой.

Сначала я чувствую, как мне в душу закрадывается смутное беспокойство и пробегают по коже мурашки. Я озираюсь по сторонам. Ничего! А мне хотелось бы хоть что-нибудь увидеть! Что именно? Что-нибудь понятное. Ведь боюсь я только потому,

что не понимаю своего страха.

Я говорю – и боюсь своего голоса. Хожу – и боюсь чего-то неизвестного, что притаилось за дверью, за портьерой, в шкафу, под кроватью. А между тем я знаю, что нигде ничего нет.

Я внезапно оборачиваюсь, потому что боюсь того, что у меня за спиной, хотя и там нет ничего, и я это знаю.

Я волнуюсь, чувствую, как нарастает испуг, запираюсь в спальне, зарываюсь в постель, прячусь под одеяло и, съежившись, сжавшись в комок, в отчаянии закрываю глаза и остаюсь так долго, бесконечно долго, ни на минуту не забывая, что на ночном столике осталась зажженная свеча и что надо ее все-таки потушить. И я не осмеливаюсь сделать это.

Ужасное состояние, не правда ли?

Раньше я не испытывал ничего подобного. Я спокойно возвращался домой. Я расхаживал взад и вперед по квартире, и ничто не омрачало ясности моего рассудка. Скажи мне кто-нибудь, что я вдруг заболею этим непонятным, бессмысленным и жутким страхом, я искренне рассмеялся бы; я уверенно отпирал двери в темноте, медленно укладывался спать, не задвигая засова, и никогда не вставал среди ночи проверить, хорошо ли закрыты окна и двери моей спальни.

Началось это в прошлом году и самым странным образом.

Это случилось осенью в дождливый вечер. После обеда, когда ушла служанка, я стал думать, чем бы заняться. Я прошелся несколько раз по комнате. Я чувствовал себя усталым, беспричинно угнетенным, неспособным работать и не в силах был даже читать. Окна были мокры от мелкого дождя; мне было грустно, все существо мое было проникнуто той безотчетной печалью, от которой хочется плакать, так что ищешь, с кем бы перекинуться словом, все равно с кем, лишь бы только отогнать тяжелые мысли.

Я чувствовал себя одиноким. Никогда еще дом не казался мне таким пустым. Меня охватило чувство безысходного, томительного одиночества. Что делать? Я сел. И тотчас ощутил какое-то нервное напряжение в ногах. Снова встал и принялся ходить. Может быть, меня при этом немного лихорадило, потому что руки, которые я заложил за спину, как часто делаю, когда медленно

прогуливаюсь, жгли одна другую, и я заметил это. Затем вдруг у меня по спине пробежала холодная дрожь. Я подумал, что, должно быть, потянуло сыростью со двора, и решил протопить камин. Я разжег его; это было в первый раз с начала года. И снова сел, устремив глаза на огонь. Но уже вскоре, чувствуя, что не могу больше усидеть на месте, я поднялся и решил, что нужно пройтись, встряхнуться, повидаться с кем-нибудь из друзей. Я вышел. Заглянул к трем приятелям и, не застав никого дома, направился к бульвару, рассчитывая встретить там кого-нибудь из знакомых.

Повсюду было одиноко, уныло. Мокрые тротуары блестели. Теплая сырость, та сырость, что внезапно пронизывает вас холодной дрожью, тяжелая сырость моросившего дождя нависла над улицей и, казалось, ослабляла, смягчала пламя газовых фонарей.

Я вяло тащился, повторяя про себя: «Не с кем мне будет сегодня перекинуться словом».

Не раз заглядывал я в кафе, попадающиеся мне по дороге от Мадлен до предместья Пуассоньер. Унылые люди, сидевшие за столиками, казалось, не в силах были доесть заказанное.

Долго бродил я так по улицам и около полуночи повернул к дому. Я был совершенно спокоен, но очень утомлен. Привратник, который в одиннадцать часов всегда уже спал, против обыкновения открыл мне немедленно, и я подумал: «Ага, должно быть, кто-то из жильцов только что вернулся».

Уходя из дома, я всегда запираю дверь на двойной оборот ключа. На этот раз она оказалась только притворенной, и это меня поразило. Я решил, что, вероятно, вечером мне принесли почту.

Я вошел. Камин еще не потух и даже слегка освещал комнату. Я взял свечу, собираясь зажечь ее от огня очага, и вдруг, взглянув прямо перед собою, увидел, что кто-то сидит в моем кресле, спиной ко мне, и греет у камина ноги.

Я не испугался, о нет, нисколько! В голове у меня мелькнула вполне естественная догадка, что кто-то из приятелей зашел навестить меня. Привратница, которую я, уходя, предупредил, что скоро вернусь, должно быть, дала ему свой ключ. Я вмиг вспомнил все обстоятельства своего возвращения домой: тотчас же открытое парадное и мою незапертую дверь.

Приятель, я видел только его волосы, дожидаясь меня, заснул у камина, и я подошел поближе, чтобы его разбудить. Я отлично его видел: правая рука его свисала, ноги были заложены одна на другую, голова слегка откинута влево на спинку кресла, – по-видимому, он крепко спал. «Кто же это?» – задал я себе вопрос. Комната была слабо освещена. Я протянул руку, чтобы тронуть его за плечо.

Рука уперлась в деревянную спинку кресла! Там не было никого. Кресло было пусто!

Господи, какой ужас!

Я отпрянул, словно мне угрожала какая-то страшная опасность. Затем я обернулся, чувствуя, что кто-то стоит у меня за спиной; и тотчас же непреодолимое желание взглянуть еще раз на кресло заставило меня снова повернуться к нему. Я стоял, задыхаясь от ужаса, до того растерявшись, что в голове не осталось ни одной мысли, и я еле держался на ногах.

Но я человек хладнокровный и быстро овладел собой. Я решил: «У меня была галлюцинация, только и всего». И сейчас же стал размышлять об этом явлении. Мысль работает быстро в такие минуты.

У меня была галлюцинация – это бесспорный факт. А между тем голова все время оставалась ясной, я рассуждал последовательно и логично. Значит, произошло это не от умственного расстройства. Здесь был только обман зрения, обманувшего в свою очередь мысль. Глазам представился призрак, один из тех призраков, которые заставляют наивных людей верить в чудеса. Случайное нервное расстройство зрительного аппарата – и только, да, может быть, еще легкий прилив крови.

Я зажег свечу. Наклоняясь к огню, я заметил, что дрожу, и затем вдруг выпрямился от нервного толчка, как будто кто-то прикоснулся ко мне сзади.

Я еще не успел успокоиться, это несомненно.

Я прошелся по комнате и громко заговорил сам с собой. Пел вполголоса припевы каких-то песен.

Потом запер дверь на двойной оборот ключа и почувствовал себя немного спокойнее. По крайней мере никто не войдет.

Я снова сел и долго раздумывал о случившемся, затем лег и

погасил свечу.

Несколько минут все обстояло благополучно. Я довольно спокойно лежал на спине. Но вдруг меня обуяло желание осмотреть комнату, и я повернулся на бок.

В камине еще тлели две-три раскаленные головешки, которые освещали только самые ножки кресла, и мне снова почудилось, что там сидит человек.

Проворным движением я зажег спичку. Мне только почудилось, никого там не было.

Однако я встал и отодвинул кресло за кровать.

Снова потушив свет, я попробовал заснуть. Но не успел я забыться на каких-нибудь пять минут – и уже увидел во сне, отчетливо, как наяву, все, что случилось со мной в этот вечер. Я проснулся вне себя от ужаса, зажег огонь и сел на кровати, боясь задремать снова.

Но, как я ни боролся со сном, я все же засыпал ненадолго раза два. Оба раза мне снилось все то же. Я думал уже, что сошел с ума.

Когда рассвело, я почувствовал себя выздоровевшим и спокойно проспал до полудня.

Это прошло, совершенно прошло! У меня была, вероятно, лихорадка или кошмар. Словом, я был болен. И все же я чувствовал, что вел себя глупейшим образом.

В этот день я был очень весел. Пообедал в ресторанчике, побывал в театре, затем пошел домой. Но вот, когда я стал подходить к дому, меня охватило странное беспокойство. Я боялся увидеть его снова – его! Не то чтобы я боялся его самого, боялся его присутствия – ведь я несколько в это не верил, – но я боялся нового расстройства зрения, боялся галлюцинаций, боялся ужаса, который меня охватит.

Больше часа бродил я взад и вперед по тротуару около дома, но, решив наконец, что это уж слишком глупо, вошел. Я так задыхался, что еле мог подняться по лестнице. Минут десять простоял на площадке перед дверью, пока не почувствовал вдруг прилива смелости, спокойной решимости. Я повернул ключ и бросился вперед со свечою в руке, распахнул толчком ноги полуоткрытые двери спальни и растерянно оглядел камин. Я не

увидел ничего.

Ах! Какое облегчение! Какое счастье! Какая тяжесть свалилась с плеч! Я весело расхаживал по комнате. Но все же я не был спокоен и порой оглядывался назад: меня пугали лежащие по углам тени.

Спал я плохо, ежеминутно просыпаясь от каких-то воображаемых стуков. Но я его больше не видел. Нет. С этим покончено!

И вот с этого дня я боюсь оставаться ночью один. Я чувствую его – этот призрак – здесь, возле меня, вокруг меня. Он больше не являлся мне. О нет! Да и что за дело мне до него, раз я в него не верю, раз я знаю, что он – ничто?

Но все же он тяготит меня, потому что я постоянно о нем думаю. Правая рука его свисала, голова была слегка откинута влево, как у спящего... Довольно, довольно, ну его к черту! Не хочу больше думать о нем!

И что это за наваждение? Почему оно так навязчиво? Его ноги были протянуты к самому огню.

Он преследует меня; это дико, но это так. Кто он? Я знаю хорошо, что он не существует, что он – ничто. Он существует только в самой моей болезни, в моем страхе, в моей тревоге. Довольно, довольно!..

Да, но сколько я ни рассуждаю, как ни бодрюсь, я не могу больше оставаться дома один, ибо он там. Я его больше не увижу, я знаю это, он больше не явится, с этим покончено. Но все же он существует в моем сознании. Он невидим, но это не мешает ему существовать. Он притаился за дверью, в закрытом шкафу, под кроватью, во всех темных углах, в малейшей тени. Стоит мне распахнуть дверь, открыть шкаф, заглянуть со свечой в руке под кровать, осветить углы, разогнать тени, и он исчезает, но тогда я чувствую его у себя за спиной. Я оборачиваюсь, уверенный, впрочем, что не увижу его, никогда больше не увижу. И все-таки он все еще там, у меня за спиной.

Нелепо, но ужасно. Как же быть? Я ничего не могу поделать.

Но если нас дома будет двое, я знаю, да, знаю наверное, что его здесь больше не будет! Ведь он здесь потому, что я один, только потому, что я один.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 3 июля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод М.Казас. Некаўалар